

Автор: Александр Соловьев

Ра...Ры...Бро...

Некрасова, 8. На первом этаже – кукольный театр, чуть выше – детская художественная школа № 2, на верхних этажах – региональный центр экспертизы Министерства юстиции РФ. Напротив – стриптиз-клуб с зажигающейся по ночам неоновой вывеской «Virgins», рядом несколько мега популярных баров. Такое сочетание как злая ирония на некрасовское «сейте разумное, доброе, вечное», но для Петербурга – обычное дело. Как никак культурная столица. Diversity как оно есть.

Не самые трезвые ночные крики барно шатающихся уже успели смениться утренним гоготом детишек-театралов, ожидающих волшебства от кукол и сладкого от родителей. Внезапно детский гвалт затих. Кто-то пронзительно резко окликнул выбежавшего из парадной мужчину:

– Пронин?! Гриша?! Привет! Это же я, Мишка Ходасевич!

Да, это, действительно, был Миша Ходасевич, уже пару лет как судья арбитражного суда, специалист в сфере банкротства. Гриша и Миша вместе учились в художественной школе № 2, потом вместе поступили на юридический в университет, но после марта 2003, когда отличник Гриша перешел со второго курса СПбГУ на юрфак аграрного университета, перестали общаться.

– Миша, здравствуй. Не думал, что когда-либо встречу тебя. Я слышал ты теперь большой человек, судья?

– Да, судья. А ты, как мне говорили, успешно трудишься арбитражным управляющим, за плечами которого уже несколько нашумевших банкротств?

Гриша и вправду был очень успешным арбитражным управляющим. Банкротство, символ разорения для большинства, для Гриши было делом приятным и чрезвычайно выгодным. Недавнее, отгремевшее во всех СМИ банкротство строительной компании N оставило после себя тысячи недовольных дольщиков и одного крайне довольного Гришу. Как учит первое правило безопасности авиаперелетов «наденьте кислородную маску сначала на себя». Гриша так и делал. Нюанс был в том, что в банкротствах, в которых он принимал участие, всегда выпадала лишь одна кислородная маска и всегда аккуратно над Гришиным креслом.

– Есть такое дело. Аки пчела, которая мед весь съела, а другим не дала. Шучу. Работаю исключительно на благо правосудия. Медом делимся в строгом соответствии с законом. С неправильным пчелами боремся!

– Гриша, мы так тогда и не поговорили нормально. Столько лет уже прошло, а я так тебе ничего и не объяснил.

– Миша, ну к чему это все сейчас?

– Очень хочу поговорить, рассказать тебе все. Сейчас спешу к дочкам на представление в театральную студию, не могу пропустить. Предлагаю вечером в 8 в «Цветочках», на Некрасова. Согласен?

Гриша хотел этого разговора меньше, чем охранник «Virgins» попасть на кукольный спектакль, но может из любопытства, а может, потому что в производстве у Миши было одно из важных для Гриши дел, ответил:

– Прекрасное место, буду!

Миша любил бар «Цветочки», название казалось ему родным и напоминало про любимое гражданское право в университете, где все примеры на семинарах начинались либо с ООО «Ромашка», либо с ООО «Лютик».

Гриша же любил интеллигентно пройти и не менее интеллигентно выпить. Слегка пьяным он часто с интонацией японского самурая повторял мантру, казалось бы, бессвязных слогов «Ра-Ры-Бро! Ко-Некра! Че-Жу-МА! Некра-ДО!». Трезвым Гриша по этой мантре, выходя из родительской квартиры на улице Радищева, шел до поворота на улицу Рылеева, по которой надо было непременно дойти до дома Бродского, свернуть на улицу Короленко, потом на Некрасова и почти сразу на улицу Чехова, ведущую к улице Жуковского, потом налево на улицу Маяковского и снова на Некрасова в бар «Цветочки», где можно было спокойно сесть и заказать коктейль «Довлатов». Интеллигентский алкоголь-писательский шик-шот-шот и уже можно было приступить к «Ра-Ры-Бро! Ко-Некра! ЧеЖуМа! Некра-До!»

Тогда, в 2003, Гриша часто ходил этим маршрутом. Если бы кто-то решил провести линии между точками Гришиных успехов в то время, то он бы увидел траекторию, устремленную в космос. Все указывало на скорый и невероятный успех: отличная учеба, открытые двери западных университетов и перспективы академической карьеры, на которую Грише недвусмысленно намекал профессор Т.

Все перевернулось в марте, когда поздним пятничным вечером позвонил Миша и нервно протараторил: «Спасай! Срочно приезжай к Дзержинскому суду!».

У суда Гриша обнаружил своего друга в черном балахоне и с баллончиком краски в руке. За несколько дней до этого, как потом узнал Гриша, судья Д. вынес чрезвычайно жестокий, как и просила прокуратура, приговор Лехе Бульдогу с фанатского виража, а Миша, тогда еще преданный фанатскому движению, обязан был «дать ответку».

Гриша же должен был постоять «на шухере», как сказал Миша. Но в итоге, оказался профнепригодным для этого дела: задумавшись о теоретической проблеме, он не заметил приближение катастрофы на практике. Миша убежал, а Гришу задержали. За надпись на дверях суда: «Право – зло, если судья ссыкLaw» Гриша ответил один: его с позором отчислили из университета и посоветовали забыть двери всех приличных организаций в городе. С Мишей он больше не разговаривал.

Однако Гриша оправился, университет недавно пригласил его прочитать лекцию о банкротстве для студентов, а приличные организации сами открывали двери. Гриша хотел показать свои успехи, поэтому приехал на встречу на своем синем Бентли последней модели, припарковавшись у самого входа, и стал ждать.

Наконец-то появился Миша, в компании прелестных девочек по имени Саша и Маша, которым оказалось по 6 лет, и своей красавицы-жены Лены. Обменявшись несколькими словами и улыбками, мужская часть внезапно образовавшейся группы пошла в бар, а женская – домой

– У тебя замечательная семья!

– Да, это мое самое главное счастье. А как твои дела на этом фронте?

– У меня есть 2 женщины. Одна – моя работа, а другая – все остальные.

– Интересная арифметика, сразу видно гуманитария.

Бывшие друзья заказали выпить и уставились друг на друга в упор. Упавший поднос с бокалами прервал их молчание, как будто активировав режим «Воспоминания. Диалог». Сразу резать по больному не получилось.

– Помнишь Лидию Самойловну? «Рисунок – это математика, вы должны рисовать с математической точностью, с правильными пропорциями. Миша, ты не Пикассо в кубизме, где пропорции?»

– Помню.

– А помнишь, мы придумали кричалки и выпалили на выпускном в зенитовских шарфах?

– Конечно.

– Жизнь лажа без Эрмитажа! Художник без оков как Лев Толстой без слов! Таврический сад без птиц как директор без ...

– Да за это нас, – тут Гриша сделал паузу, в которую уместилось и чувство обиды, и горечь от несправедливости того марта 2003 – двоих... чуть не выгнали из художки.

– Если бы ты еще не сказал Борису Петровичу: «Что ж вы покраснели так, как будто болеете за Спартак», – сказал Миша, будто бы не замечая Гришиной интонации.

Кричалки напомнили обоим про фанатский движ и тот пятничный вечер.

– Ты знаешь, Миша, в университете я мечтал стать всемирно известным ученым, придумать свою теорию права с уникальным понятийно-нормативно аппаратом, ездить на конференции в Оксфорд, Лейден и Гамбург. Я верил, что так и будет, но потом выяснилось, что это никому не нужно.

– Конечно, в университете всем нужны секс, любовь и рок-н-ролл, а не мечты о праве.

– Не опошляй. Ты знаешь, о чем я говорю.

Миша и вправду знал, неловкость и злость от того, что он не мог заговорить о главном, нарастали, но Миша все еще медлил.

– Молодой человек, повторите, пожалуйста, и желательнее сразу повторите то, что повторили, а потом сразу повторите все вместе.

– Вам 4 водки?

– Да, – ответил Миша.

– Я смотрю, ты тоже гуманитарий, – заметил Гриша.

Выпив шоты в ритме прыгающих с самолета парашютистов, Миша, наконец-то сделал шаг и дернул кольцо:

– Я струсил тогда.

– Зато судья Д. наконец-таки узнал, что такое Law, – едко заметил Гриша.

– На следующий день после того, как тебя задержали, я пришел в полицию и написал явку с повинной.

– Ох ты ж как, я не знал.

– Папа при мне разорвал это заявление. Он должен был пойти на новое назначение тогда. Я не смог... против отца. Я зассал. Как тот судья. Я предал тебя и себя.

– Зато помог папе.

Мишин папа, Роман Борисович, Заместитель Генерального прокурора, заслуженный юрист РФ, обладатель разных наград и член всевозможных советов, тогда, действительно, ждал присвоения генеральского звания и потому не мог допустить изобличения Миши в столь нехорошем поступке. Чтобы заглушить голос невинного, будущий генерал дал Грише 2 миллиона рублей и обещание минимально возможного наказания.

Гриша не стал рассказывать про деньги, оправдывая себя тем, что срок признательной давности уже вышел, хотя в действительности просто боялся испытать чувство стыда перед бывшим другом. Впоследствии Гриша жалел об этом, ведь скажи он про деньги, все, действительно, могло бы сложиться по-другому.

– Ладно, дела прошлые. Проехали. Говорят, ты лучший по банкротству в первой инстанции и метишь сразу в кассацию?

– Заноза правосудия в одном месте не дает покоя другому, поэтому приходится разбираться в каждой детали. Как еще можно не допустить торжества мошенников и поступить по справедливости, чтобы все долги вернули по максимуму?

– А может быть и не нужно? Что если хитрым и активным – все, а легковверным и наивным – лишь бумажка на грудь с цифрами и гербом? Вдруг это естественный закон рыночной природы? – заключил Гриша.

– Ну что ты такое говоришь, это унижительно, и в конце концов, несправедливо.

– Справедливость у каждого своя, у кого в кармане пусто, а у кого...

– Ну зачем так цинично. Да даже если и так. А добро? Добросовестность? Как бы ни была затаскана римская максима, но право – это действительно искусство добра и справедливости.

– Миша, про добро все забывают. В результате, каждый пытается воплотить то, что кажется ему справедливым. И у некоторых это, действительно, превращается в искусство.

– Но как можно делать справедливое без доброй совести?

– Как и все остальное. Ты же можешь себе представить, что человек убивает другого из чувства справедливости?

– Да, могу, и убийца может считать свой поступок справедливым и все вокруг, но без добра он не будет иметь права! Ты же сам мне это доказывал на первом курсе!

– Да, поэтому афоризм Цельса и не звучит как «право есть искусство только справедливости».

– Мужчи... МужикИ (на «и» совершенно неожиданно откликнулась икота, едва не перешедшая в что-то крайне неприятное), я извиняюсь, – на Гришу едва не завалился стокилограммовый мужчина, смешавший в себе столько коктейлей, сколько не смешивалось всего в доме Облонских.

– Все придумано до нас.

– Все украдено до нас, Миша, – вот что я тебе скажу. И если я из раза в раз вижу, что все разворовано и честный предприниматель воспринимается как наивный «лох», которого нужно «развести» и оставить ни с чем, то разве есть какой-то другой выход, кроме как пытаться украсть раньше всех?

– Не красть вообще! В Законе все написано, сколько, кому, когда.

– Но на практике все не так. Эти украли, но у них не нашли. У этих нашли и отобрали, но они не крали. И вся эта бесконечная череда ошибок, когда наказали невиновных и наградили непричастных, длится и никак не может закончиться.

– Гриша, конечно, человеку свойственно ошибаться, а судья еще тот человек, но ведь ты такими рассуждениями оправдываешь то, что что можно красть, можно обманывать, предавать.

– Да уж, можно предавать.

Бывшие друзья замолчали.

– Я вот что думаю, – продолжил Гриша, – нечего на зеркало пенять, коли рожа крива. Право – это отражение общества, это практика, а не теория. И если на практике в обществе процветает воровство и обман, то ты хоть тысячи законов прими о запрете краж, все равно все красть будут.

– И что из этого следует? Что нужно обманывать и красть?

– С волками жить по-волчьи выть.

– Гриша, дорогой мой, но ведь не все волки кругом.

«Ах ты тварь, я тебя сейчас убью!» – дикий пьяный крик в баре прервал беседу. Началась драка. Какой-то мужчина разбил бутылку и угрожал своим противникам. В агрессивном зачинщике Миша с Гришей узнали ранее извинявшегося. Драка закончилась внезапно. Коктейли из зачинщика вырвались наружу. Чувствуя себя униженным, мужчина бросил розочку бутылки и заплакал пьяными слезами человека, который вдруг неожиданно для себя понял и осознал что-то такое не до конца ясное, но полное мира и любви.

– Миша, вот ты говоришь надо делать добро и поступать по совести. Но почему же ты сейчас не помог? Человек угрожал, мог убить. Боялся судебскую этику нарушить?

– Не знаю, просто показалось, что все мирно разрешится.

– Само собой? Право, как и жизнь, любит активных. Банкротство, которым мы с тобой занимаемся, это поле битвы, где идет война всех против всех. Здесь никто никому не верит, ни друг другу, ни суду, ни статистике. Крупные игроки играют между собой в шахматы, а остальные как малые дети сначала с любопытством наблюдают, а потом, когда наскучит, либо уходят, либо начинают подбегать к столу, пытаясь безуспешно сбить фигуры с доски.

– А ты кто в этой партии?

– Я даю советы гроссмейстерам.

– И судя по Бентли, за них хорошо платят.

– Да, хорошо, я же даю хорошие советы!

– А наивные дети уходят ни с чем?

– Почему я должен отвечать за то, что так все работает? Почему я должен отвечать за тех наивных, которые отдали свои деньги непонятно кому, никак не застраховали свои риски и прогорели? Почему я не должен зарабатывать там, где могу? Все так устроено и так будет делаться, буду я в этом участвовать или нет. Я это понял тогда в 2003.

– Так может мне стоит начать брать взятки?

– А зачем терять эту возможность, если дают? Почему если одним можно, то тебе нельзя? Разве не стоит следовать принципу равенства?

– Как говорят любители банкротства, равенство есть только внутри очереди. Я лучше буду радоваться равенству в очереди тех, кто не берет.

– Ладно, к черту эту пафосную канитель. Уже совсем в каких-то эмпиреях витаешь, как будто ты – это я на первом курсе.

– Разве это плохо?

– Не знаю, так себе рокировка. Давай ближе к земле. Как ты говоришь, справедливость требует, чтобы долги возвращались по максимуму.

– Да, именно так.

– Мне нужна твоя судебская заноза в банкротстве компании П, которое ты рассматриваешь. Там пытаются отстранить моего человека от процедуры. Я не могу этого допустить.

– Я посмотрю, есть ли там основания. Все будет по справедливости.

– Миша, мне не нужно по справедливости. В 2003 не было по справедливости. Помнишь на первом курсе я тебе рассказывал, что часть историков считают, что английское слово *guilt* (вина) происходит от староанглийского *geild* (жертвоприношение). Иногда надо чем-то жертвовать. Долги надо возвращать. Верни, и больше ты меня с моими просьбами не увидишь.

– Я подумаю, как с этим быть, а сейчас давай закругляться. Посчитаемся. Девочки дома ждут.

Едва Гриша вышел из бара, как к нему подошел какой-то странный мужчина, не очень высокого роста, в черном балахоне. «Ну прямо Миша в 2003, только движения какие-то неестественные». Почему-то в глаза бросились красные конверсы. Гриша потом будет часто их вспоминать.

– Пронин, сука, наконец-то я тебя нашел. Сдохни, тварь!

Эти слова отключили Гришино восприятие мира. Гриша как будто исчез и на несколько минут перенесся в другую вселенную, где нет судов и банкротств, нет долгов и предательства, а есть лишь искусство, добро и справедливость. Гриша не видел, как этот странный мужчина в капюшоне достал нож, как он замахнулся, и, самое главное, – что он никак не мог себе простить потом, – Гриша не видел, как из-за его спины на мужчину бросился Миша.

Кровь, хлынувшая на красные конверсы, и Мишины хриплые, сказанные с улыбкой слова «вот я и вернул», телепортировали Гришу обратно в мир, он выбил нож из рук нападавшего, которого сразу скрутили курившие рядом у бара люди, позвонил в скорую и никак не мог понять, что происходит. Какие долги? Зачем вернул? Зачем я попросил его? Почему не сказал про деньги? А как же Маша и Саша? А Лена? Как он мог? Может быть, это все пьяный сон, и я сейчас проснусь?

Но проснуться не получилось. Приехала полиция. Гриша рассказал все, за исключением последних Мишиных слов. Скорая уехала. Руки все еще тряслись. Кровь еще оставалась на тротуаре. Гриша сел, прислонившись к урне, не понимая, где он и что с ним. Толпа уже стала расходиться, когда вдруг в голову ударила мысль, сказанная Мишиным голосом, «право – это искусство добра и справедливости» и откуда-то из нутра вырвался хрип... Долги надо возвРа... Ры... Бро...